

УДК 9.902, 903, 908
EDN HGZDWW

Село Ново-Мордово: культурное и природное наследие (зона затопления Куйбышевской ГЭС)

Е. А. Бурдин,

*Ульяновский государственный
педагогический университет,
г. Ульяновск, Российская Федерация*

Novo-Mordovo village: cultural and natural heritage (flood zone of the Kuibyshev hydroelectric power station)

E. A. Burdin,

*Ulyanovsk State Pedagogical University,
Ulyanovsk, Russian Federation*

Аннотация

В статье рассматриваются культурное и природное наследие ныне затопленного села Ново-Мордово (Спасский район Республики Татарстан) и его окрестностей в период с каменного века и вплоть до XX в. Вокруг села находилось 22 памятника археологии начиная с неолита и заканчивая эпохой Золотой Орды, в т. ч. несколько уникальных. В самом селе в 1861 г. была построена Троицкая церковь – значимый памятник культурного наследия не только в масштабах села, но и района. Описание природного наследия в окрестностях Ново-Мордово помогает понять, почему эта местность была привлекательной для людей начиная с глубокой древности. Первоначально главным занятием местных жителей было сельское хозяйство, а с основанием в середине XIX в. Спасского затона – судостроительство. Цель статьи – на базе комплекса источников, в т. ч. археологических, письменных и устных, среди которых особенно важными являются воспоминания старожилов, дать общий обзор культурного и природного наследия села Ново-Мордово и по возможности важнейших вех его истории. Территориальные рамки работы – современный Спасский район Республики Татарстан. В методологическом плане применялись междисциплинарный подход, а также историко-географический, историко-сравнительный и историко-статистический методы. В статье на базе историографических сведений и большого массива различных источников прослежены динамика и специфика объектов культурного наследия в селе Ново-Мордово и его окрестностях с учетом природно-географического фактора, прослежена численность населения. Сделан вывод о том, что наличие на этой территории многочисленных объектов археологии объясняется прежде всего богатейшими природными ресурсами микро-региона – участком поймы, непосредственно прилегающим к месту впадения Камы в Волгу, а также близостью этих рек. Пик расцвета данной территории в археологи-

ческом измерении пришелся на эпоху бронзы. Наиболее благоприятное время в истории Ново-Мордово наблюдалось в XIX – начале XX в. В середине 1950-х гг. село было затоплено Куйбышевским водохранилищем. Реконструированная на основе разноплановых источников история борьбы верующих ново-мордовцев за сохранение Троицкой церкви позволила выявить стратегию и тактику поведения людей, вынужденных защищать свою идентичность.

Abstract

The article discusses the cultural and natural heritage of the now flooded village of Novo-Mordovo (Republic of Tatarstan) and its surroundings. There were 22 archaeological sites around the village, dating from the Neolithic period to the Golden Horde era, including several unique ones. In 1861, the Trinity Church was built in the village itself, which is a significant cultural heritage site not only for the village but also for the region. A description of the natural heritage in the vicinity of Novo-Mordovo helps to understand why this area has been attractive to people since ancient times. Initially, the main economic activity of the local population was agriculture, and with the founding of Spassky Zaton in the mid-19th century, shipbuilding. The purpose of this article is to provide a general overview of the cultural and natural heritage of the village of Novo-Mordovo and, where possible, the most important milestones in its history, based on a range of sources, including archaeological, written, and oral sources, among which the memories of old-timers are particularly important. The territorial scope of the work is the modern Spassky District of the Republic of Tatarstan. In terms of methodology, an interdisciplinary approach was used, as well as historical-geographical, historical-comparative, and historical-statistical methods. Based on historiographical data and a large array of various sources, the article traces the dynamics and specifics of cultural heritage sites in the village of Novo-Mordovo and its surroundings, taking into account natural and geographical factors, and traces the population size. It concludes that the presence of numerous archaeological sites in this area is primarily due to the rich natural resources of the micro-regiona floodplain directly adjacent to the confluence of the Kama and Volga rivers, as well as the proximity of these rivers. The peak of this area's archaeological development occurred during the Bronze Age. The most favorable period in the history of Novo-Mordovo was observed in the 19th and early 20th centuries. In the mid-1950s, the village was flooded by the Kuibyshev Reservoir. The history of the struggle of the faithful Novo-Mordovians to preserve the Trinity Church, reconstructed on the basis of various sources, revealed the strategy and tactics of people forced to defend their identity.

Ключевые слова

Куйбышевское водохранилище, культурное наследие, Новомордовский археологический комплекс, природное наследие, Ново-Мордово.

Keywords

Kuibyshev reservoir, cultural heritage, Novomordovsky archaeological complex, natural heritage, Novo-Mordovo.

История ныне не существующего села Ново-Мордово Куйбышевского района Татарской АССР (бывшего Спасского уезда Казанской губернии, ныне Спасский район Республики Татарстан) стоит особняком даже на фоне других многочисленных затопленных Куйбышевским водохранилищем поселений.

Эта местность привлекала человеческие коллективы с каменного века. Не случайно в окрестностях Ново-Мордово располагалось множество объектов археологического наследия, открытых уже после его переноса из зоны затопления (за исключением двух, обнаруженных в 1885 г. и 1946 г.).

Главным фактором притягательности данного микрорегиона являлись богатейшие ресурсы самой широкой в России и Европе долины Волги и Камы. Они состояли не только из большого количества чистой воды и рыбных запасов в этих реках, протоках и мелких речках и озерах, но и заливных лугов, кустарников, лесов и потенциальных пашенных угодий. Поэтому люди здесь занимались скотоводством, рыболовством, собирательством, земледелием и т. д. Реки служили круглогодичным средством передвижения населения и перевозки грузов.

Сложная экологическая система крупнейших рек региона и окружавших их территорий оказывала серьезное воздействие на жизнь людей. Как правило, населенные пункты в долине Волги и Камы находились на некотором удалении от них, на более безопасном и высоком месте, до которого большая вода доходила только в весеннее половодье.

Ново-Мордово, как и многие другие поселения Волго-Камья, находилось в местности с уникальной природой. В отличие, например, от близлежащего села Тенишево, которое упиралось в волжскую протоку Чертык, оно лежало на некотором удалении от великой реки. Рядом было озеро Крутое, или Мордовское.

Вот что писал об этих местах профессор Казанского университета М. С. Рыбушкин, проезжавший здесь в 1832 г.: «По дороге к городу Спасску проезжали мы деревню Мордову, замечательную своим местоположением и пролегающим на всем ее протяжении обширным и глубоким озером. Здесь повстречалось нам также некоторое пренебрежение жителей к избыткам роскошной природы. Как не позавидуешь иностранцам, кои все умеют употреблять в свою пользу; но крестьяне деревни Мордовой, стоя на берегу озера, только любуются множеством плавающих диких уток, и ни один не имеет ружья. Они оставляют свободно расти, вырастать и улетать в места отдаленные, не застреливая в продолжение целого лета ни одной утки. Один из моих товарищей в короткое время пребывания нашего в сем месте убил пять уток. Невинная птица не страшится ружейного звука; ибо, несмотря на следовавшие один за другим выстрелы, она едва поднимется в воздух, как снова садится на озеро...»¹.

По топографическим картам 1940-х гг. удалось сделать авторское описание Ново-Мордово и окружающей его местности. Село располагалось на низкой террасе долины Волги и Камы, стесненное старичными волжскими открытыми озерами, заболоченными протоками и мелкими речками. Вытянутое в широтном направлении поселение делилось на равные половины озером. В северной части Ново-Мордово, состоящей из двух улиц, на берегу озера стояла церковь. В южной части села, состоящей также из двух улиц, на околице находились школа и ветряная мельница. Юго-западнее находились фермы 2-го отделения животноводческого совхоза Приволжский. Вокруг Ново-Мордово на пойменных лугах возле озер или колодцев были устроены загоны для скота. Пахотные участки располагались к востоку, юго-востоку и западу от села. К югу в 3,5 км на коренной террасе находился смешанный и чистый широколиственный лес. Поселение было связано грунтовыми дорогами с окружающими населенными пунктами: городом Куйбышев (на востоке), деревней Заозерье (на севере), селами Тенишево и Болгары (на западе), через деревню Ржавец с селом Три Озера (на юго-западе).

Ново-Мордово располагалось примерно на полпути между селом Болгары на юго-западе и районным г. Куйбышев (в прошлом уездный Спасск) на северо-востоке. Совсем рядом с селом, немного севернее, на левом берегу Волги близко к устью небольшой речки Бездна предположительно в 1853 г. был основан Спасский (в советское время Куйбышевский) Затон². Первоначально он являлся поселком при зимней стоянке судов и ремонтных мастерских. Вплоть до переноса на правый берег реки в Камско-Устьинский район в середине 1950-х гг. Затон был единственным рабочим поселком в аграрном Куйбышевском (ныне Спасском) районе. Приблизительно с середины XIX в. жители Ново-Мордово, ранее занимавшиеся исключительно земледелием, скотоводством и рыболовством, получили возможность работать на крупном промышленном предприятии. Через 100 лет, во время переселения из зоны затопления Куйбышевской ГЭС (гидроэлектростанции) многие сельчане уехали в населенные пункты, рядом с которыми располагались судоремонтные и судостроительные предприятия.

Переходя к характеристике археологического наследия, стоит отметить, что в составе Новомордовского комплекса насчитывается 22 памятника, подавляющая часть которых уже размыта водохранилищем³. Их хронология весьма широка – от эпохи неолита до Золотой Орды включительно. К новому каменному веку относились три объекта археологического наследия, к эпохе бронзы – 12 (54,5 %), раннему железному веку – два, именковской культуре и болгарскому периоду (домонгольскому) – соответственно по одному. Кроме того, памятниками смешанного типа являлись три – два содержали вещевые комплексы неолита и Волжской Болгарии – домонгольской и ордынской, а другой – бронзового и раннего железного веков – это знаменитый сейчас Новомордовский I могильник.

Помимо Новомордовского наиболее значимыми и крупными на территории Спасского района Республики Татарстан являются Измерский, Старокуйбышевский, Семеновский и некоторые другие археологические комплексы⁴. Сейчас акватория Куйбышевского водохранилища в границах вышеуказанного района входит в зону государственного природного комплексного заказника «Спасский». Памятники археологии активно разрушаются водохранилищем.

Самыми яркими объектами Новомордовского комплекса являются несколько могильников, относящихся к поздней бронзе и раннему железному веку (IX-VI вв. до н. э.), в частности, к приказанской, маклашеевской и ананьинской культурам. Среди них выделяется Новомордовский I могильник. Именно здесь были обнаружены уникальные для Спасского района артефакты – девять стел с изображением символов власти племенных вождей предположительно конца VIII – начала VI вв. до н. э.⁵ Их длина колебалась от 64 до 120 см, почти все они изготовлены из белого известняка (одна стела из коричневого песчаника), который до сих пор можно добыть в меловых отложениях горного правого берега Куйбышевского водохранилища.

Все каменные плиты были хорошо обработаны с лицевой стороны. На пяти из них содержались рельефные изображения предметов вооружения, в частности, кинжалов и топоров-секир. На трех плитах ничего не было, а на одной высечен горизонтальный зигзаг, окаймленный двумя параллельными линиями.

Первооткрывателем вышеуказанных стел стал житель районного центра г. Куйбышев (ныне Болгар), рыбак В. А. Шевяков. Осенью 1960 г. на мелководье между тремя островами, образовавшимися на месте бывшего села Ново-Мордово, он обнаружил несколько крупных плит с высеченными на них изображениями⁶. Опираясь на эту информацию, группа казанских археологов во главе с А. Х. Халиковым трижды обследовала место находки и во время максимального понижения уровня воды даже провела раскопки на значительной площади южнее надгробий. Оказалось, что каменные стелы лежали плашмя по краям курганной возвышенности диаметром около 15 м и высотой 70 см⁷. В 1961-1962 гг. в этом районе было исследовано девять погребений, а также найдено значительное количество обломков керамических сосудов, наконечники стрел и т. д.

Поскольку новый памятник располагался на западной окраине бывшего села Ново-Мордово, его называли «Новомордовский I могильник». Всего за 1961-1967 гг. здесь выявили 23 погребения с 33 скелетами, собрали каменные и металлические артефакты и керамику⁸. Сейчас данный объект полностью размыт.

Несмотря на тот факт, что стелы даже в период максимально низкого уровня водохранилища находились в воде (октябрь), археологам Р. С. Габяшеву, Е. П. Казакову и А. Х. Халикову все же удалось поднять их со дна и вывезти в Казань, тем самым сохранив для будущих поколений.

По мнению А. Х. Халикова, «это небольшой, но выдающийся погребальный комплекс, связанный с захоронением знатных лиц, по-видимому, племенных военных вождей... Значительное число стел, размещенных на небольшом участке, позволяет полагать, что Ново-Мордовский могильник являлся местом погребения нескольких племенных военных вождей, трупы которых, вероятно, привозились из разных мест. Об этом может свидетельствовать и разнотипность изображенного оружия... По-видимому... раннеананьинские племена хоронили своих вождей на особом месте, выбранном у впадения Камы в Волгу»⁹.

Отсутствие на новомордовских стелах изображений человека и антропоморфных черт А. Х. Халиков объяснял тем, что они относились к эпохе ранней военной демократии, при которой власть племенных военных вождей была выборной, а не наследственной (как у скифов). Поэтому для того или иного племени главную ценность представляли знаки военной власти, а не облик конкретного человека¹⁰.

Почти через 60 лет после открытия рассмотренных плит раннего железного века стало очевидно, что в пределах Волго-Камья это явление не исключительное. Правда, они известны только на нижней Каме и прилегающих участках Волги, на территории постмаклашеевской культуры, поэтому А. А. Чижевский ввел понятие «постмаклашеевские стелы». Также выяснилось, что ананьинские стелы были мемориальными, а не надмогильными памятниками, т. к. находились между погребениями¹¹. По мнению А. А. Чижевского, «... некоторые различия в морфологии и наборе изображаемого инвентаря указывают лишь на региональные особенности волго-камских каменных изваяний, что позволяет включить постмаклашеевские стелы в единую евразийскую традицию монументальной скульптуры, ведущую свое начало от центрально-азиатских оленных камней»¹².

До сих пор до конца не выяснено точное время возникновения поселения на месте будущего села Ново-Мордово. Логично предположить, что после

падения Казанского ханства заселение этой территории началось во второй половине XVII в., когда в результате возведения Закамской засечной черты в 1652-1656 гг. ситуация в данной местности стала более спокойной и благоприятной для переселенцев, хотя набеги военных отрядов поволжско-уральских и степных народов некоторое время еще продолжались.

В писцовой книге Казанского уезда 1647-1656 гг. никаких сведений о населенном пункте с похожим названием нет. Но в указанной писцовой книге есть информация о других поселениях в этой местности. Ближайшими из них были небольшие сельские поселения – сельцо Чертыковское Мельничное на реке Большая Бездна и починок Старцев¹³. Сельцо Чертыковское фактически стало предтечей будущего села Спасское (Никольское, или Чертык), получившего в 1781 г. статус уездного города и название «Спасск» и в 1953-1955 гг. перенесенного из зоны затопления Куйбышевской ГЭС на место современного г. Болгар (Спасский район Республики Татарстан)¹⁴.

Первые Ново-Мордово упоминается в материалах ландратской переписи 1716 г. как деревня «Новая, что была Мордовская»¹⁵. Возможно, до этого было некое «старое» поселение, в котором проживала мордва. Однако никаких источников, подтверждающих данный факт, пока не найдено. Рядом располагалось село Никольское (Чертык) – видимо, бывшее сельцо Чертыковское Мельничное. Эти поселения возникли в результате русской монастырской колонизации.

Ново-Мордово и Никольское принадлежали казанскому Спасо-Преображенскому монастырю и являвшемуся вторым в крае по значению после Успенского Свияжского, соперничавшего в то время со знаменитыми русскими обителями вроде Троице-Сергиевой лавры.

Согласно переписи 1716 г. в Западном Закамье помимо двух вышеуказанных было еще два монастырских селения: Богоявленское (Ставрасово, Остолопово, сейчас с. Речное) и деревня Кулабердеево (ныне с. Саконы)¹⁶. По этническому составу их население являлось русским. В Ново-Мордово на тот момент в 19 дворах проживало 158 человек – чуть меньше, чем в Никольском – соответственно 17 и 184. Если Никольское было основано примерно в 1644-1648 гг., то деревня Ново-Мордово – скорее всего на рубеже XVII-XVIII вв. или же в начале XVIII в. Этот факт подтверждают и нумизматические находки на территории бывшего села. По мнению Р. Г. Насырова, образование русского поселения произошло до указа 1704 г. (когда вышел указ о лишении монастырей значительной части привилегий)¹⁷.

По данным 1716 г., в Западном Закамье преобладал прибрежно-речной тип заселения – 89 % от общего количества поселений. Ново-Мордово относилось к водораздельному типу¹⁸. Оно было деревней, а селом стало только в 1861 г., после постройки церкви.

По доступным источникам можно частично проследить демографическую динамику Ново-Мордово. В 1772 г. в поселении проживало 205 экономических крестьян мужского пола, 1795 г. – 725 казенных крестьян, 1859 г. – 1 473 человека (627 мужчин и 846 женщин, 255 дворов), 1897 г. – 1 761, 1912 г. – 1 917 (896 и 1 021, 336 дворов), 1931 г. – 1 708 человек, 1939 г. – 1 591, 1952 г. – около 1 058 (252 двора)¹⁹. После 1861 г. село входило в Щербетскую волость Спасского уезда Казанской губернии, а перед затоплением – в Куйбышевский район ТАССР.

Что касается предприятий и организаций, размещавшихся в Ново-Мордово, то здесь есть информация только о советском периоде истории. Так, в 1930-1950-е гг. в селе работали изба-читальня, клуб и начальная школа²⁰. В 1931 г. здесь были организованы сельсовет и колхоз «Красный водник», в котором в 1947 г. находилось 736 га пашни. На окраине села работала ветряная мельница.

Важной частью жизни Ново-Мордово с 1861 г. была деятельность православного прихода и храма. До этого деревня относилась к приходу Троицкого собора Спасска.

Знаменательное в истории Ново-Мордово событие – строительство деревянной Троицкой церкви на каменном фундаменте, произошло в 1861 г.²¹ В ней был один престол во имя Святой и Живоначала Троицы.

Первым священником Троицкого храма стал Павел Иванович Невзоров²². Свою службу он начал в ноябре 1859 г. (здесь и далее даты по старому стилю) в Казанско-Богородицкой церкви с. Красная Слобода, а в декабре 1860 г. переведен в Ново-Мордово (в возрасте 28 лет). Видимо, богослужения в новом Троицком храме начались уже с середины декабря 1860 г. Скорее всего, культовое здание строилось как минимум с 1860 г. и было завершено только в 1861 г. Возможно, до окончания возведения церкви службы проводились в другом месте, например, временном молитвенном доме. В 1862 г. П. И. Невзорову за бесплатное обучение крестьянских детей грамоте была объявлена архипастырская благодарность.

Должность дьячка исполнял Самсон Евлампиевич Соколов²³. В конце декабря 1860 г. С. Е. Соколова определили дьячком в Троицкий храм (21 год). Пономарем с января 1861 г. стал Михаил Михайлович Никольский (24 года). Все они жили в собственных деревянных домах.

В сентябре 1868 г. священником Троицкой церкви стал Петр Ильич Монастырев²⁴. Дьячком оставался М. М. Никольский. К этому времени должность пономаря вывели за штат, и в храме служили только два человека.

В 1882 г. в Ново-Мордово прихожане в память погибшего императора Александра II возвели каменную часовню²⁵. О почитании этого царя свидетельствуют и надписи на большом колоколе, сохранившемся до нашего времени: «Сей колокол отлит крестьянам села Ново-Мордово Спасского уезда Казанской губернии; Сей колокол отлит в Саратове, в память о Бозе почившего Александра первого 1-го марта, на заводе купчихи Олимпиады Ивановны Медведевой, наследницы Судомойкиных».

Кроме того, в селе был построен деревянный дом для земского училища для обучения детей грамоте, открытого в январе 1884 г.²⁶ Тогда в нем числилось 30 мальчиков и 5 девочек. В январе 1883 г. при церкви открылось попечительство. Отмечалось, что храмовая библиотека отличалась бедностью, но содержалась в порядке²⁷.

С ноября 1882 г. должность священника в Троицкой церкви занимал Лев Васильевич Агатицкий, ранее служивший в разных селах Лаишевского и Тетюшского уездов Казанской губернии²⁸. Интересно, что в Ново-Мордово священника перевели по его личному прошению и рекомендации профессора Казанской духовной семинарии Н. И. Ивановского (1840-1913), известного в губернии и России исследователя раскола, доктора богословия (1883).

Также священник занимался преподаванием – с января 1883 г. по январь 1884 гг. в церковно-приходской школе (закрыта в ноябре 1906 г.), а с января 1884 г. – в местном земском училище (законоучитель)²⁹.

Со временем клир и прихожане все больше и больше обустроивали Троицкую церковь и прилегающую к ней территорию. Так, в 1895 г. здание, обнесенное деревянной оградой, было теплым, имело достаточное количество утвари, а в четырехъярусном иконостасе располагались особо чтимые иконы святого великомученика Пантелеймона и Божией Матери «Утоли моя печали» (позже, в начале 1900-х гг. добавилась икона святителя Феодосия Черниговского)³⁰.

В январе 1888 г. священника Троицкого храма Л. В. Агатицкого перевели на новое место (с. Сюкеево Тетюшского уезда), но он вернулся в Ново-Мордово в январе 1895 г.³¹ С этого же времени он вновь стал законоучителем местной земской школы. Л. В. Агатицкий, где бы он не служил, вел успешную преподавательскую и миссионерскую деятельность. В 1885 г. священника «за усердную и полезную службу» наградили набедренником, в 1888 г. «за усердную и полезную деятельность по должности законоучителя» удостоили благословения Святейшего синода и в этом же году – благословения архиепископа Казанского и Свияжского Павла «за миссионерские труды против раскола»³².

В сентябре 1903 г. священником Троицкой церкви стал сын Л. В. Агатицкого – Василий Львович, закончивший в 1900 г. курс в Казанской духовной семинарии по 2-му разряду³³. Ранее он служил в Тетюшском и Мамадышском уездах. В 1907 г. его наградили набедренником. С марта 1909 г. являлся следователем по благочинническому округу, с 1903 по 1906 г. – законоучителем местной церковно-приходской школы.

Интересно, что одного сына Л. В. Агатицкого на должности священника в мае 1912 г. сменил другой, младший – Пётр Львович, окончивший в 1906 г. курс в Казанской духовной семинарии по 2-му разряду (с 1907 г. служил в Чистопольском уезде) (здесь и далее сведения 1912 г.)³⁴. С октября 1912 г. он являлся законоучителем 1-го и 2-го земских училищ в Ново-Мордово.

На этом сведения о дореволюционной церковной жизни прихода заканчиваются. Остается лишь добавить, что священник П. Л. Агатицкий служил в Троицком храме с 1912 по 1929 г.³⁵ О его дальнейшей судьбе ничего не известно – скорее всего, он был репрессирован.

По сути дела, весь советский период в истории общины и церкви – это история неравной и упорной борьбы с государством за право проводить богослужения. Они прекратились в 1938 г., но данный факт по состоянию на март 1939 г. еще не был оформлен постановлением Президиума Верховного Совета Татарской Республики³⁶. Поэтому власти считали храм нефункционирующим, но не закрытым. В это время в Куйбышевском районе от 22 действовавших до 1917 г. православных культовых зданий оставалось только два – в селах Пичкасы и Лебяжье. Правда, вскоре власти исправили это досадное недоразумение.

25 мая 1939 г. на закрытом заседании президиума Куйбышевского райисполкома говорилось о том, что верующие жители Ново-Мордово ходатайствовали об открытии нефункционирующей церкви, а также проводили нелегальные групповые собрания в частных домах с целью «отправления молений»³⁷.

Почти через год, 7 мая 1940 г., в справке Верховного Совета ТАССР «О закрытии церкви в селе Ново-Мордово...» указывалось: «Техническая комиссия, образованная исполкомом Куйбышевского райсовета от 2 декабря 1940 года, осмотрев здание церкви в селе Ново-Мордово, установила, что здание церкви требует капитального ремонта, без производства которого невозможно отправление религиозных обрядов.

Исполком Куйбышевского районного Совета депутатов трудящихся своим решением от 9 декабря 1940 года ходатайствует о закрытии данной церкви и передаче ее здания для использования под культурное учреждение.

... Жалоб со стороны верующих не поступало... »³⁸.

Конечно же, ходатайство районных властей было удовлетворено. Храмы в соседних населенных пунктах – Куйбышевском (Спасском) Затоне и Тенишево, также закрыли. Однако в октябре 1940 г. упоминалось о действующей церкви в с. Ново-Мордово³⁹. Думаю, это закономерно, учитывая проявленные прихожанами в течение 1930-1950-х гг. упорство и последовательность в отстаивании своих прав, а также тот факт, что храм не использовался ни под культурные, ни под хозяйственные нужды.

В 1946 г. просьба верующих близлежащего с. Тенишево об открытии храма была отклонена, что обосновывалось в том числе и наличием в 4 км действующего культового здания в Ново-Мордово⁴⁰. Также в одном из документов говорилось о работе основной части жителей двух сел на заводе в Куйбышевском Затоне. Позже, в 1950 г. храм в Тенишево планировали передать под клуб, но реально использовали как хранилище зерна⁴¹. Во время переселения из зоны затопления Куйбышевской ГЭС все каменные церкви здесь были взорваны, а деревянные разобраны. Власти «заботились» о религиозных чувствах верующих, т. к. предписывали уничтожать культовые здания только после эвакуации из данного селения всех жителей, чтобы не вызвать «ненужную активность...»⁴².

С новой силой разгорелась борьба прихожан Ново-Мордово за свой храм после войны. Уже в июне 1945 г. группа жителей села обратилась в Совет народных комиссаров ТАССР с просьбой об открытии церкви: «... Церковь находится в целостности, в полной исправности, не требует никакого ремонта... Трудящиеся желают помолиться в церкви с православным священником, а поэтому просим... не отказать в нашей просьбе...»⁴³. Заявление подписали 20 активистов общины верующих, в т.ч. Евдокия Ефимовна Тихонова, Мария Николаевна Николаева, Ольга Павловна Савельева и др. В источнике указывалось, что храм не работал с 1939 г. по причине отсутствия духовенства, но ключ хранился у бывшего старосты, поэтому культовое имущество, включая 30 икон, в основном сохранилось⁴⁴.

Совет по делам Русской православной церкви при Совете народных комиссаров СССР 29 октября 1945 г. зарегистрировал религиозную общину в с. Ново-Мордово, и примерно с начала 1946 г. в Троицкой церкви стали проводиться богослужения⁴⁵. Против такого решения центральной и затем республиканской властей выступил Куйбышевский райком партии под руководством секретаря И. Румянцева. В качестве доказательства были выдвинуты следующие причины: 1) население Ново-Мордово состояло преимущественно из рабочих соседнего судоремонтного завода, которые выступали против проведения богослужений в церкви; 2) это решение приведет к дальнейшему

Троицкая церковь в селе Ново-Мордово. Конец 1940 – начало 1950-х гг. Из фондов Болгарского государственного историко-архитектурного музея-заповедника.

Trinity Church in the village of Novo-Mordovo. Late 1940s – early 1950s. From the collections of the Bolghar State Historical and Architectural Museum Reserve.

ослаблению отстающего местного колхоза, т. к. его работники будут отвлекаться на участие в религиозных праздниках; кроме того, сюда будут приходить жители из соседних поселений Болгары, Комаровка, Три Озера, Балымеры и др.; 3) открытие здесь храма станет первым подобным случаем в районе и станет примером для населения сел Никольское, Пичкасы и Болгары, в которых сохранились культовые здания; 4) в с. Ново-Мордово нет помещений для клуба, детсада и медпункта, которые можно было бы разместить в пустующей церкви⁴⁶. Но эти доводы в Казани сочли неубедительными, и все осталось по-прежнему.

В октябре 1948 г. был официально зарегистрирован церковный совет Троицкой приходской общины в составе А. Е. Мишенькиной, М. Н. Николаевой и Е. Е. Тихоновой⁴⁷. Вероятно, с самого открытия храма и примерно до осени 1953 г. его настоятелем являлся протоиерей Владимир Рудольский⁴⁸.

В 1952 г. жители Ново-Мордово узнали, что их село попадает в зону затопления Куйбышевской ГЭС и через пять лет уйдет под воду. В этих сложнейших условиях главной целью православных прихожан стало спасение церковных святынь, а в идеале – перенос культового здания на новое место. Для размещения утвари планировали открыть храм и проводить в нем службы в с. Три Озера либо в с. Никольское, где стояли закрытые каменные церкви XVIII в.

Настоятель В. Рудольский в марте 1953 г. в письме в Казанский епархиальный Совет писал, что желание верующих сохранить церковь путем переноса ее на новое место на деле осуществить нельзя. Во-первых, прихожане

не располагали достаточными средствами для перевозки здания, во-вторых, они не смогли бы собрать его и оборудовать на новом месте своими силами и средствами⁴⁹.

Члены православной общины Ново-Мордово и сочувствовавшие им жители сел Три Озера и Никольское понимали, что перенести Троицкий храм на новое место вряд ли получится прежде всего из-за противодействия властей. Поэтому пять активистов из числа верующих с. Никольское в 1953 г. три раза обращались с письменными заявлениями к и. о. уполномоченного Совета по делам РПЦ при Совете Министров ТАССР Г. Сафину, а также лично встречались с ним⁵⁰. Власти не поддержали ходатайство об открытии здесь церкви (как и храма в с. Три Озера). Прихожане Троицкой общины Ново-Мордово осенью 1953 г. направили заявление о сносе культового здания в связи со строительством Куйбышевского гидроузла в Совет Министров СССР⁵¹. Видимо, в нем содержалась просьба о переносе храма или выделении нового в вышеуказанных поселениях. Однако решение вопроса затормозилось.

В 1956-1957 гг. стало окончательно ясно, что власти не позволят перенести Троицкую церковь на новое место. Но прихожане православной общины с. Ново-Мордово продолжали бороться за свой храм. В декабре 1956 г. они обратились в районный исполком с заявлением о переносе культового здания и выделении под него земельного участка на территории кладбища в г. Куйбышев. Однако исполнительная власть во главе с председателем И. Соловьевым отказала верующим, ссылаясь на тот факт, что генеральным планом строительства города отведение земельного участка под храм не предусмотрено⁵². Еще раньше, в августе того же года, райисполком отклонил просьбу верующих о передаче им здания Успенской церкви в с. Болгары по причинам ее якобы аварийного состояния и большого исторического значения (и нахождения в распоряжении Управления архитектуры при Совете Министров ТАССР)⁵³. К зиме 1956 г. все оставшиеся жители села переехали в другие населенные пункты, в основном в г. Куйбышев (райцентр), поселки Подиваново и Ржавец и село Красная Слобода, а также за пределы района.

Не добившись нужного результата, жители бывшего с. Ново-Мордово и райцентра направляли заявления и телеграммы в Совете Министров СССР, например, с ходатайством о выделении земельного участка для храма на территории городского кладбища Куйбышева, и т.д.⁵⁴ Совете по делам РПЦ при Совете Министров СССР ссылался на законное существование Троицкой религиозной общины и ее настойчивость в вопросе предоставления нового места под храм⁵⁵. Он считал, что нельзя препятствовать аренде или покупке в собственность дома, чтобы приспособить его для богослужений.

Республиканские и районные власти занимали более твердую позицию. Им не хотелось, чтобы в административном центре района появилось культовое здание – рассадник «религиозного дурмана». В итоге 1 февраля 1957 г. Совет Министров ТАССР принял решение разобрать здание церкви в с. Ново-Мордово с использованием полученных материалов для строительства клуба в г. Куйбышев и удовлетворить ходатайство верующих об аренде или покупке дома для молитв в поселке Ржавец (примерно 10 км от райцентра).

Выбор указанного поселка для размещения молитвенного дома был обусловлен двумя причинами: 1) глухое место, почти в лесу, на некотором отдалении от райцентра; 2) работники бывших колхоза и совхоза с. Ново-Мордово переселились на территорию Краснослободского сельсовета, куда входил поселок Ржавец. С выделением земельного участка на этом месте согласился и священник Николай Павлович Калинин⁵⁶. Повторные просьбы прихожан о предоставлении территории под культовое здание в Куйбышеве власти отклонили. Верующим пришлось обосновываться практически с нуля на новом месте возле леса.

Судя по источникам, церковный Совет приходской общины молитвенного дома в Ржавце был зарегистрирован 2 ноября 1960 г. в составе старосты Дарьи Власовны Пашиной, ее помощника Андрея Ивановича Исаева и казначея Елизаветы Петровны Макаровой⁵⁷.

В декабре 1960 г. на земельном участке религиозного объединения находились следующие строения: 1) молитвенный деревянный дом на каменном фундаменте; 2) деревянная звонница с железной крышей и 4 колоколами; 3) деревянный дом-сторожка; 4) ограда⁵⁸.

С 28 июля 1974 г. обязанности священника стал исполнять Илья Яковлевич Ефимов, проживавший до этого в Казани. Кроме того, с 1 января 1974 г. в должность псаломщика вступил местный житель Андрей Игнатьевич Пашин. Как долго служили указанные представители духовенства – неизвестно. Председателем православной общины в это время являлась Анастасия Васильевна Тужилакина⁵⁹. Последний информативный документ в этом архивном деле – инвентарная опись культового и другого имущества религиозной общины Троицкого молитвенного дома, составленная в январе 1981 г.⁶⁰

Вот что вспоминала бывшая жительница с. Ново-Мордово Е. Ф. Камаева: «Церковь нам перенести не дали, но сказали все святыни – иконы и все остальное, перевозить сюда (в Ржавец. – Е. Б.). В этом участвовало много людей, в том числе старые женщины – грузили утварь на трактор и дровни. Лишние иконы разбирали по домам. В 1956 г. купили два старых жилых дома в нижней части села Болгары – один на сторожку, другой – на церковь. Мужчины их быстро разобрали и собрали на новом месте. В 1956 г. на Троицу церковь открыли. Сначала был один священник, откуда и как его звали, не помню. Он работал недолго. Тут жила монашка и еще кто-то. Мы были молодыми, почти туда не ходили. А уж потом сюда переехал Федор – священник из Ульяновска, жил тут с семьей. Священников много сменилось. В соседних деревнях церквей не было, поэтому к нам шли верующие люди со всех сторон. Партия не велела в молитвенный дом ходить. Старухам не запрещали там молиться, пожилых на службах было много. Некоторые более молодые люди тайно все-таки посещали церковь. Заведующая клубом в нашем поселке как-то сходила туда, и ее за это сняли с должности».

Молитвенный дом в Ржавце в течение более 30 лет являлся единственным действующим православным культовым зданием Куйбышевского (ныне Спасского) района Татарстана. Действует он и сейчас⁶¹.

Что касается переселения жителей Ново-Мордово из зоны затопления Куйбышевской ГЭС, то оно проходило по стандартной схеме. Практические работы начинались с установления основных типов строений, подлежащих переносу или сносу. После инвентаризации домовладений и земельных участков

районная оценочная комиссия производила оценку стоимости переноса и восстановления домов на новом месте. Затем домовладельцам вручали оценочные акты, по которым можно было получить деньги. Если износ жилья превышал 60 %, то оно не подлежало переносу, и людям выплачивали денежную компенсацию, которой часто не хватало для постройки нового дома. Поэтому переселенцы часто брали кредиты.

Несмотря на большую помощь государства, жители затопляемых населенных пунктов испытывали серьезные трудности, главными из которых были недостаток внимания со стороны хозяйственных организаций и властных структур, нехватка стройматериалов, транспорта, денежных средств, рабочей силы, плохое водоснабжение и дефицит земельных участков на новых местах. В первой половине 1950-х гг. страна и особенно сельские территории не до конца оправались от разрушительных последствий военного времени. Не хватало мужских рук, продуктов, одежды и т. д.⁶²

По плану переноса домовладений из населенных пунктов Куйбышевского района жители Ново-Мордово должны были эвакуироваться в 1953 г.⁶³ Но на практике, сложившейся в Куйбышевском районе ТАССР (как и во многих других), как правило, эвакуация продолжалась вплоть до 1957 г. Так, в 1954 г. при плане переноса в 252 дома на деле разобрали, перевезли и восстановили 105 домов и снесли два, т.е. всего 42 %⁶⁴. В этом же году снесли 16 общественных построек колхоза и одно школьное здание, а также одно торговое и складское помещение. Кроме того, планировалось перенести три здания сельсовета и три предприятия местного значения. Но, судя по справке, это не было сделано.

В 1955 г. при плане переноса в 142 дома разобрали 63, а перевезли и восстановили 55 домов и снесли восемь, или 50 %⁶⁵. Также перенесли здание избы-читальни. В 1956 г. план удалось выполнить на 96 % – из 79 домов разобрали, перевезли и восстановили 71 дом и снесли пять⁶⁶. Кроме того, в этом же году перенесли три здания сельсовета. В 1957 г., когда уже шел процесс заполнения ложа Куйбышевского водохранилища, из Ново-Мордово при плане в три дома разобрали и перевезли один дом и снесли два⁶⁷. В общем, основная часть жителей села эвакуировалась в 1954–1956 гг., а не в 1953 г., как планировало государство.

Среди ново-мордовцев были и так называемые отказники, т. е. люди, по той или иной причине отказывавшиеся покидать родное место. Например, 14 марта 1957 г. власти приняли решение о принудительном выносе жилого дома М. К. Максимовой со всеми надворными постройками⁶⁸. 18 марта бригада плотников произвела разметку дома и сений, а затем их разборку, погрузку и разгрузку в с. Болгары на отведенном участке⁶⁹. Кроме М. К. Максимовой, несколько отказников было и в г. Куйбышев (Спасск) и деревне Новославка.

Всего в списке переселенцев из Ново-Мордово числилось 252 домовладельца, т. е. в селе было 252 двора⁷⁰. В другие населенные пункты Куйбышевского района ТАССР планировали переехать 117 домовладельцев (46 %), из них в Куйбышев (новый райцентр, ныне Болгар) – 37, с. Красную Слободу – 29, д. Ржавец – 28, поселок Приволжский (Подиваново) – 10, с. Три Озера – 6, с. Никольское – 4, д. Бальмеры – 2 и д. Аграмаковка – 1⁷¹. Остальные сносили и продавали дома и выезжали за пределы района – в Куйбышев (ныне Самара, самое большое количество переселенцев), Иваново, Казань, с. Кирельское

(Камско-Устьинский район Республики Татарстан) и другие места. В общем, не менее половины бывших ново-мордовцев уехали из района, т. к. не могли найти здесь применение своим навыкам, полученным на судостроительном заводе в Куйбышевском Затоне.

Таким образом, основанное в конце XVII или начале XVIII в. поселение Ново-Мордово, в середине XX в. попавшее в зону затопления Куйбышевской ГЭС, находилось на территории, которая отличалась богатым природным и культурным наследием.

Главными факторами, придававшими селу Ново-Мордово и окружавшей его местности уникальность, являлись: 1) поселение находилось в низменной части Волжско-Камской долины, в непосредственной близости от Волги и Камы и поймы, отличавшихся высокими биоресурсами; 2) в окрестностях села располагался известный Новомордовский археологический комплекс, по количеству памятников уступавший только Измерскому археологическому комплексу (если брать территорию Спасского района Республики Татарстан); 3) жители Ново-Мордово изначально занимались преимущественно сельским хозяйством, но после основания в середине XIX в. Спасского Затона значительная часть населения стала работать на промышленном предприятии; поэтому после затопления села многие новомордовцы уехали на судостроительные и судоремонтные заводы за пределы района и республики; 4) эпопея борьбы местной общины верующих за сохранение Троицкого храма, которая получила продолжение после переселения из зоны затопления, в деревне Ржавец, где был открыт молитвенный дом, действующий до сих пор.

Воспоминания бывшего жителя села Ново-Мордово Куйбышевского района ТАССР В. Н. Тихоновой

В селе были два сельскохозяйственных предприятия – колхоз и совхоз (центральная ферма в Тенишево, а у нас – отделение), начальная школа – четырехклассная. Школа-десятилетка была в Куйбышевском Затоне, в трех километрах от нас, поэтому после окончания четырех классов мы пешком ходили туда. Я закончила только семь классов. Население у нас было большое, люди в основном работали в Куйбышевском Затоне – рабочими. Например, мой брат работал в кузнице. Конечно, рабочий класс жил лучше, ведь в колхозе работали за трудодни – когда что-то дадут, а когда и нет. Во время переселения колхозники уезжали в соседние колхозы (Красная Слобода и т. д.), а рабочие – в новый Куйбышевский Затон и другие населенные пункты. Люди решали сами, куда им уезжать. Многие долго держались, не хотели переселяться, но деваться некуда – в конце концов они уехали.

В 1946 году открылась у нас церковь, началась служба. До этого, как рассказывали старики, когда разоряли церкви, у нас был старичок Пашин Андрей Геннадьевич, инвалид по зрению, а службу всю знал и вел. Ключи от церкви оказались у него. Также была церковная староста тетя Леса. От них власти стали требовать ключи, но дядя Андрей их не отдал. Их посадили и повезли в Спасск (Куйбышев) в тюрьму или куда-то. И все-таки он сумел сделать так, что ключи остались у него и церковь у нас сохранилась. Ведь во всей округе она оставалась единственной – в Тенишеве клуб был, в Красной Слободе – механический цех,

ну в общем, везде их использовали под хозяйство и т.д. И когда война закончилась – это уже при мне – 1946 год, в первую же пасху началась служба. Мы, все дети, ходили в церковь. На второй день мы пришли в школу, учитель спрашивает: «Кто ходил в церковь, встаньте?». Мы встали всем классом – нас ругать некого. И наша церковь работала по 1956 год. Когда мы переселялись, священником был Николай Калинин, и церковь переносил сюда (в Ржавец. – Е. Б.) именно он. Когда началось затопление, с церковью что-то надо было делать, и верующие ходили в райисполком к председателю Соловьеву – просить. Он сказал: «Святые (богослужбная утварь. – Е. Б.) берите, а церковь не дадим (само помещение)». Это было в марте 1956 года. А на чем перевозить – как хотите. Пошли к директору в Красную Слободу – Пупырю Александру Фридриховичу (одним из ходяков была моя свекровь). И он разрешил сделать на тракторах с дровнями один рейс. Тогда верующие, а сюда в Ржавец переселились в основном ново-мордовинцы (теперь здесь нас осталось два человека, три живут в Болгаре), в марте-апреле перевезли полностью все святые в амбары, принадлежавшие Краснослободскому совхозу. Перевозили Панин муж – Геннадий и мой – Павел – трактористы. И первую же Троицу служили здесь (в Ржавце. – Е. Б.). Строили новую церковь (молитвенный дом. – Е. Б.) Беляев Кузьма Егорович, Гришин Глеб и Пудовкин – жители с. Болгары. Строили, между прочим, без всякого крана. Дома для этого они купили у председателя колхоза Семенова и его брата в старых Болгарах – один дом для церкви, другой для сторожки. При священнике Калинин в 1961 году меня попросили поработать в храме бухгалтером. После ухода Калинина к нам прислали из Ульяновска Фёдора Потоцкого – примерно с 1961 до 1974. После него было еще три священника.

Помню такие улицы: Луговая (крайняя), вторая – Слободка, потом – Большая, за ней уже были переулки. Эти улицы разделяли три озера – они шли вдоль села. Одно – среднее, основное, а крайние заливались водой только по весне. Около села располагались луга, кустарник и лес – по дороге в Куйбышевский Затон. Там же находилась гора Дегтярная. Весной, в половодье, из Ново-Мордово в Затон пройти было нельзя, только с помощью перевозчика на лодке. Потом полностью тоже не высыхало, но делали временный мостик. Помню еще Гривку – так называли часть села⁷².

Из личного архива Е. А. Бурдина.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Рыбушкин М. С. Поездка в Болгары и Билярск // Заволжский муравей. – 1833. – № 4. – С. 187-188.
2. Бурдин Е. А. Куйбышевский (Спасский) Затон: история рабочего поселка (1853-1956 гг.) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2022. – № 2. – С. 162.
3. Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. / Отв. ред. А. Г. Ситдииков, Ф. Ш. Хузин. – Казань, 2007. – Т. 3. – С. 336-338.
4. Там же. – С. 340-342, 344-345.
5. Очерки по археологии Татарстана / Редкол.: П. Н. Старостин и др. – Казань: Изд-во «Школа», 2001. – С. 78; Халиков А. Х. Стелы с изображением оружия раннего железного века // Советская археология. – 1963. – № 3. – С. 185; Чижевский А. А. Проблема генезиса и хронологии ананьинских (постмаклашеевских) стел // Российская археология. – 2009. – № 1. – С. 87.
6. Халиков А. Х. Указ. соч. – С. 180.

7. Там же.
8. Свод памятников археологии Республики Татарстан ... – С. 337.
9. Халиков А. Х. Указ. соч. – С. 180, 185-186.
10. Там же. – С. 189.
11. Чижевский А. А. Указ. соч. – С. 81-82.
12. Там же. – С. 89.
13. Писцовая книга Казанского уезда 1647-1656 годов: Публикация текста (совм. с Д. А. Муштафиной). – М.: Институт Российской истории РАН, 2001. – Л. 208 об., 209-209 об. (Электронный ресурс. Режим доступа: <http://xn--80ad7bbk5c.xn--p1ai/ru/content/piscovaya-kniga-kazanskogo-uezda-1647-1656-godov>).
14. Бурдин Е. А. Спасск (Куйбышев): были и легенды Старого города. – Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2018. – С. 60-62.
15. Насыров Р. Г. Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005. – С. 142; Российский государственный архив древних актов (РГАДА), ф. 350, оп. 1, д. 154, л. 541 об., 547.
16. Насыров Р. Г. Указ. соч. – С. 231.
17. Там же. – С. 116.
18. Там же. – С. 169.
19. Список населенных мест Казанской губернии по сведениям 1859 г. – СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1866. – С. 85; ГА РТ (Государственный архив Республики Татарстан), ф. 4, оп. 144, д. 139, л. 535; Муниципальный архив Спасского района Республики Татарстан, ф. 195, оп. 1, д. 1, л. 51-57; Ново-Мордово // Энциклопедия города Болгар и Спасского района / Гл. ред. Г. С. Сабирзянов. – Болгар – Казань: б.и., 2014. – С. 284-285; Список селений Казанской губернии. – Казань: Каз. губ. земск. управа, 1908. – С. 118.
20. Ново-Мордово // Энциклопедия города Болгар... – С. 284-285; Тихонова В. Н. Воспоминания / Записал Е. А. Бурдин 12.01.2019 г. в д. Ржавец (Спасский район Республики Татарстан). – С. 1.
21. ГА РТ, ф. 4, оп. 96, д. 53, л. 522.
22. Там же, л. 523.
23. Там же.
24. Там же, оп. 102, д. 29 а, л. 563 об.
25. Там же, оп. 116, д. 10 в, л. 878 об.
26. Там же, л. 879.
27. Там же.
28. Там же, л. 879 об.
29. Там же, л. 880 об.
30. Там же, оп. 127, д. 9, л. 29.
31. Там же, л. 30 об.
32. Там же, л. 31 об.
33. Там же, оп. 141, д. 25 а, л. 274 об.
34. Там же, оп. 144, д. 139, л. 531 об.
35. Ново-Мордово // Энциклопедия города Болгар... – С. 284-285.
36. ГА РТ, ф. Р-873, оп. 2, д. 21, л. 3.
37. Там же, л. 4.
38. Там же, л. 7.
39. Там же, л. 16.
40. Там же, л. 18.
41. Там же, л. 30.

42. Там же, л. 46.
43. Там же, оп. 9, д. 17, л. 114.
44. Там же, л. 112, 115.
45. Там же, л. 84, 92.
46. Там же.
47. Там же, л. 93.
48. Там же, л. 107.
49. Там же.
50. Там же, л. 90.
51. Там же, л. 89.
52. Там же, л. 96.
53. Там же, л. 88.
54. Там же, л. 80.
55. Там же, л. 85.
56. Там же, л. 83.
57. Там же, л. 65.
58. Там же, л. 68 об.
59. Там же, л. 61-63.
60. Там же, л. 37.
61. *Камаева Е. Ф.* Воспоминания / Записал Е. А. Бурдин 05.07.2017 г. в д. Ржавец (Спасский район Республики Татарстан). – С. 1.
62. *Бурдин Е. А.* Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России. – М.: РОССПЭН, 2011. – С. 109-110.
63. *Бурдин Е. А.* Волжская Атлантида: трагедия великой реки. – Ульяновск: ИП Тухтаров В. Н., 2005. – С. 119.
64. Муниципальный архив Спасского района Республики Татарстан, ф. 195, оп. 1, д. 7, л. 3.
65. Там же, л. 4.
66. Там же, л. 5.
67. Там же, л. 6.
68. Там же, д. 330, л. 20.
69. Там же, л. 20-21.
70. Там же, д. 1, л. 51-57.
71. Там же.
72. *Тихонова В. Н.* Воспоминания / Записал Е. А. Бурдин 12.01.2019 г. в д. Ржавец (Спасский район Республики Татарстан). – С. 1.

Список литературы

- Бурдин Е. А.* Волжская Атлантида: трагедия великой реки. – Ульяновск: ИП Тухтаров В. Н., 2005. – 276 с.
- Бурдин Е. А.* Волжский каскад ГЭС: триумф и трагедия России. – М.: РОССПЭН, 2011. – 398 с.
- Бурдин Е. А.* Куйбышевский (Спасский) Затон: история рабочего поселка (1853-1956 гг.) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2022. – № 2. – С. 159-174.
- Бурдин Е. А.* Спасск (Куйбышев): были и легенды Старого города. – Ульяновск: Изд-во «Корпорация технологий продвижения», 2018. – 319 с.
- Насыров Р. Г.* Сельское расселение Западного Закамья во второй половине XVI – начале XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. – Казань, 2005. – 248 с.
- Очерки по археологии Татарстана / Редкол.: П. Н. Старостин и др. – Казань: Изд-во «Школа», 2001. – 256 с.

Свод памятников археологии Республики Татарстан: в 3 т. / Отв. ред. А. Г. Ситдилов, Ф. Ш. Хузин. – Казань, 2007. – Т. 3. – 528 с.

Чижевский А. А. Проблема генезиса и хронологии ананьинских (постмаклашевских) стел // Российская археология. – 2009. – № 1. – С. 81-90.

References

Burdin E. A. *Volzhskaya Atlantida: tragediya velikoi reki* [Volga Atlantis: The Tragedy of a Great River]. Ulyanovsk: IP Tukhtarov V. N., 2005, 276 p.

Burdin E. A. *Volzhskii kaskad GES: triumf i tragediya Rossii* [The Volga Cascade of Hydroelectric Power Plants: Russia's Triumph and Tragedy]. Moscow: ROSSPEN publ., 2011, 398 p.

Burdin E. A. *Kuibishevskii (Spasskii) Zaton: istoriya rabocheho posyolka (1853-1956 gg.)* [Kuibyshevsky (Spassky) Zaton: History of a Workers' Settlement (1853-1956)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2022, no. 2, p. 159-174.

Burdin E. A. *Spassk (Kuibishev): bili i legendi Starogo goroda* [Spassk (Kuibyshev): true stories and legends of the Old City]. Ulyanovsk: Promotion Technology Corporation Publishing House publ., 2018, 319 p.

Nasyrov R. G. *Selskoe rasselenie Zapadnogo Zakamya vo vtoroi polovine XVI – nachale XVIII vv.: dis. ... kand. ist. nauk* [Rural Settlement in Western Zakamye in the Second Half of the 16th – Early 18th Centuries. Dissertation ... Candidate of Historical Sciences]. Kazan, 2005, 248 p.

Ocherki po arkheologii Tatarstana. Redkollegiya: P. N. Starostin i dr. [Essays on the Archaeology of Tatarstan. Editorial Board: P. N. Starostin et al]. Kazan: Shkola Publishing House, 2001, 256 p.

Svod pamyatnikov arkheologii Respubliki Tatarstan: v 3 t. Otв. red. A. G. Sitdikov, F. Sh. Khuzin [Compendium of Archaeological Monuments of the Republic of Tatarstan: in 3 vols. Edited by A. G. Sitdikov, F. Sh. Khuzin]. Kazan, 2007, vol. 3, 528 p.

Chizhevsky A. A. *Problema genezisa i khronologii ananinskikh (postmaklashevskikh) stel* [The problem of the genesis and chronology of Ananyinsky (post-maklashevsky) steles]. IN: *Rossiiskaya arkheologiya* [Russian Archaeology], 2009, no. 1, p. 81-90.

Сведения об авторе

Бурдин Евгений Анатольевич, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Ульяновского государственного педагогического университета, e-mail: burdin_e@mail.ru

About the author

Evgeniy A. Burdin, doctor of historical sciences, assistant professor, associate professor of philosophy and cultural studies Ulyanovsk state pedagogical university, e-mail: burdin_e@mail.ru

В редакцию статья поступила 12.01.2026, опубликована:

Бурдин Е. А. Село Ново-Мордово: культурное и природное наследие (зона затопления Куйбышевской ГЭС) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2026. – № 2. – С. 122-139.

Submitted on 12.01.2026, published:

Burdin E. A. *Selo Novo-Mordovo: kul'turnoe i prirodnое nasledie (zona zatopeniya Kujbyshevskoj GEHS)* [Novo-Mordovo village: cultural and natural heritage (flood zone of the Kuibyshev hydroelectric power station)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2026, no. 2, pp. 122-139.